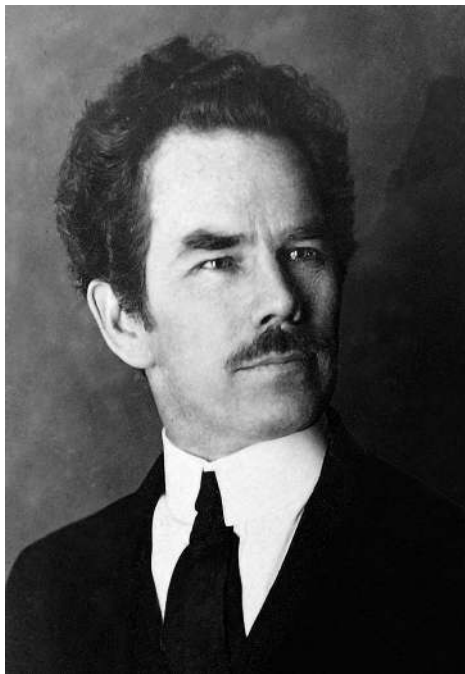


Земная история измеряется столетиями. В нынешнем году для России — особая дата. Век тому назад, 17 июля 1918 года, варварски был убит государь Николай Второй и вместе с ним вся царская семья. Завершилась эпоха Романовых — это тот рубеж, за которым началась иная, непохожая на прошлое жизнь. На протяжении всего новейшего времени предпринимались попытки осмыслить трагические события в доме Ипатьевых, повлиявшие на судьбу целого народа. Обширная художественная литература, мемуары очевидцев, эпистолярное наследие возвращают нам царские лики. В них всматривается новое поколение: кто-то равнодушно, кто-то с болью, а кто-то с надеждой на будущее.

Наши современники не могут игнорировать суд прошлого. Им трудно обойтись без правдивых свидетельств. Старшие особенно остро переживали трагедию страны, они еще застали русского царя и большевиков, сделались невольными очевидцами революционного лихолетья. Грандиозный слом эпохи прошел через их собственные жизни. Множество таких людей оказалось за рубежом, где они сохранили себя и духовное наследие нации для будущих поколений. Русская эмиграция умела хранить собственные традиции. Остальных в Советской России не обошел жестокий 1937 год. Среди негромких голосов зарубежья раздавались пронзительные суждения о революции наших соотечественников — писателя Георгия Гребенщикова и его друзей, публициста, общественного деятеля Евгения Москова и авиаконструктора, создателя аэропланов и вертолетов Игоря Сикорского. Все трое волею судеб оказались в Америке. Оттуда беспощадный русский бунт представлялся им всемирной катастрофой.

К началу 1930-х победа большевизма стала очевидным фактом. Международный статус Советского Союза признали Соединенные Штаты, это произошло 17 ноября 1933 года. Возвращение эмигрантов на Родину превратилось в призрачную мечту. Пессимистические нотки зазвучали в русской зарубежной литературе. Иван Шмелёв своими романами «Богомолье» и «Лето Господне» прощался с патриархальной Москвой. Дмитрий Мережковский передал апокалиптическое настроение Старого Света в книге «Атлантида — Европа». В это же время приступил к созданию грандиозной поэмы «Гибель Атлантиды» Георгий Голохвастов. Поэт погружается в гибельное прошлое человечества и строит мост в будущее, отвергая бессмысленную жертву во имя ложной любви. И наконец, за большую поэтическую форму берется Георгий Гребенщиков, начинает работу над фантастической сказкой в стихах «Златоглав». Поэма посвящена царевичу Алексею, воскресшему в сердцах русских эмигрантов.

Первоначально поэма-сказка именно так и называлась «Царевич». Главный герой — наследник императора Николая Александровича, который чудесным образом спасся от убийц в Екатеринбурге и отправился странствовать по земле, чтобы искупить грешную Русь. Литературная классика не знает примеров,



*Георгий Гребеницкий. Начало 1920-х.
Фотография публикуется впервые*

как может произойти такое «спасение», кроме одного — принц и нищий обменялись одеждой. Здесь тот же самый случай: товарищ по играм, простой солдатский мальчик нарядил государева наследника в нищенский кафтан и невольно принял на себя великую жертву. Бродяжка, бездомный царевич ушел в леса и скиты.

Контекст поэмы, как и бывает в сказках, построен на противостоянии добрых и злых сил. Доброе начало, имеющее божественную природу, борется с кровожадными чудовищами в человеческом обличье. Царь — это помазанник божий. Он сталкивается с хаосом и террором новой власти. Однако со временем автор постепенно пересматривает свои взгляды, замешанные на эмоциональном отношении к большевизму. Жесткие политические конструкции, которые присутствуют в первом



Обложка книги «Златоглав». Художник Всеволод Ульянов

варианте рукописи, уступают место былинному настроению. По прошествии времени, незадолго до издания книги Гребенщиков дает ей название «Царевна Русь» и буквально уже на линолите меняет на чарующее «Златоглав».

Писатели и поэты, как большие волноводы, улавливают чаяния русской эмиграции. Идея воскрешения царского рода властвует над умами. Еще раньше было известно обращение Рылеева, Пушкина, Мережковского к теме убийства царевича Алексея, сына Петра Первого. Легенды становятся плотью и кровью литературы. В чикагской газете «Русское обозрение» (12 июля 1930) вышла статья известного публициста Михаила Спасовского «Богдадский незнакомец», которая описывает случай с появлением молодого человека, называвшего себя цесаревичем Алексеем Романовым. Эта статья основывалась на реальных событиях. В декабре 1929 года в Персии объявился под видом царского наследника некий Александр Мордвинов, его видели в Тавризе и Багдаде.

Многих эмигрантов подобные факты не оставляли равнодушными. Художник Всеволод Ульянов из Лос-Анджелеса написал балладу «Царевич» и познакомил с ней писателя Гребенщикова, когда тот путешествовал по Калифорнии с туром лекций в начале 1933 года. Осознавая недостаток поэтического мастерства, Ульянов подарил тему новому другу, предлагая проиллюстрировать будущее произведение своими картинами в иконописном стиле. Воплощению замысла поэмы способствовали некоторые трагические обстоятельства. Георгий Гребенщиков 19 февраля в Голливуде попал в автомобильную аварию и сильно покалечился. Лежа на больничной койке всю весну 1933-го, он создал собственного «Царевича». Произведение — объемом в 23 главы, более чем две с половиной тысячи строк.

Эпическая сказка имеет несколько сюжетных линий. Красной нитью проходит сюжет о юной Царевне, которая, узнав о гибели Белого царя и спасении царственного наследника, идет по земле под видом странствующей поморки. Это аллегорический образ. Царевна Русь ищет своего Царевича. Поморка оказывается в разбойничьем зимовье. В кабацком окрике слышится глумление: «Долой Россию!..» Она берет от бывшего солдата георгиевский крест, снятый им с мундира убитого Государя. Награда продавалась за сивуху, но никто не пожелал взять себе чужой крест. Поморка прикладывает святыню на грудь, а затем уходит странствовать, направляясь в далекую Сибирь. Где-то там, в потаенном ските, живет царский наследник. Георгиевский крест — символ русской жертвы, ее берет на себя сама Богородица.

Другая линия связана со святым Георгием, спасающим Царевича из лап Змея. Поэма Гребенщикова пресыщена аллегориями. Традиционный для русских сказок Змей Горыныч олицетворяет собой революцию. Еще один кровавый персонаж — Осьминог, посланник и доверенное лицо Змея. Они заливают мир огнем пожара. Русская держава в плену у «красной гидры». Автор задается риторическим вопросом: «Всюду кровь и стоны, голод-царь лютой.../Что же происходит на Руси Святой?» В такой смутный час из небытия является Царевич. Он принимает от царевны-поморки георгиевский крест, но отвергает ее заботу, богатые дворцы и искушения. Сверкая очами, наследник восклицает: «Мой царь-отец послал меня к народу». И далее добавляет о народе хри-

стианской веры, как бы перебрасывая мостик к Отцу Небесному, который единственно и посылает Сына на подвиг. Царевич — это новый Христос, не богочеловек, а человек, который служит Богу в самом человеке. Здесь впервые пробивается авторский замысел о народном вожде.

Волшебная Царевна телесно преображается и несет Царевичу «одежду серебряную, белую, как снег». Он посланник мира, и у него важная миссия — пресечь братоубийственную смуту. За спиной Царевича стоят мученики и русские богатыри: святой Георгий, Всеслав и Святополк. Происходит даже явление святого равноапостольного князя Владимира, крестителя Руси. Они призывают ратников со всей земли принять бой с Кашеем Бессмертным. Возникает новый персонаж — «Кашей сего изысканного века», олицетворяющий алчность в человеке. Гребенщиков с большим юмором говорит о людях подобного свойства. Его меткое, хлесткое слово как нельзя лучше характеризует и нынешнее время: «Оставьте ваши царские палаты./Притом они совсем не так богаты.../Теперь какой-нибудь торговец пивом/Владеет замком более красивым». Хорошо известно, уже тогда, в революционную пору, показал хищный оскал дракон наживы.

Георгий Гребенщиков устами своих героев подтверждает, что решающее сражение за грядущую Новую Россию еще впереди. Русская мечта только зарождается и робко летит по миру. Войско Всеслава и Святополка гибнет на Урале, опутанном властью Красного Дракона. Речь идет, конечно же, о поражении Белой армии в противостоянии с большевиками. В поэме прямым текстом упомянут даже знаменитый «ледяной поход» и дальнейший исход добровольческих отрядов от Урала на Байкал. Это не точная историческая канва с привязкой к екатеринбургским событиям 1918 года, но некий символический контекст.

В эпической поэме имеется много других сюжетных ответвлений. Бесспорно, самым значительным из них является сказ о Златоглаве. Автор возвещает радость о светлом граде: «Царевич русский жив и будет здрав./Воздвигнем ему Город Златоглав!..» Этот былинный город создается для вдохновенного труда, он должен превратиться в мировую столицу. Вся Русь станет священным Китежем. Но где же возникнет такой славный град? Идея



*«Несла она Царевичу одежду
серебряную, белую, как снег...»
Художник Всеволод Ульянов*

не нова. Художник Николай Рерих мечтал о Звенигороде в горах Алтая, недалеко от горы Белухи. Даже написал картину «Звенигород» (1933), на ней святые мужи держат в руках макет Храма. Его сподвижник, писатель Гребенщиков, тоже говорит о своей сибирской родине, говорит убедительно, со знанием дела: «Но Златоглав возникнет на Востоке,/Где чист простор и ныне

свято-тих,/Где счастья нового бьют чистые истоки,/Где благодный Царевну ждет жених».

Нельзя обойти молчанием вопрос о монархии. Кем представляется нам в поэме Георгий Гребенщиков, убежденным монархистом или просто сочувствующим гибели царя? В предисловии к первому варианту рукописи он пишет, что судьба императора Николая Второго всегда глубоко его волновала. Даже на титуле предполагаемой книги стоит посвящение: «Светлой памяти Наследника-Цесаревича Алексея Николаевича, убитого в 1918 году на Урале», и вклеена его фотография. В изданной книге этого нет. Однако в тексте поэмы автор открыто причисляет себя к монархистам, сокрушаясь о том, что «монархия теперь, хотя бы и волшебная, — не в моде». В диалоге одного из положительных персонажей, мудрого Фёдора Кузьмича, с Осьминогом сквозит резкая позиция автора как противника большевиков: «Союз с убийцами?.. Прочь, дерзкий зверь!» Эта фраза отсутствует в окончательной версии поэмы. Зато обложку книги украшает шапка Мономаха, символ монархической власти.

В изданной книге «Златоглав» также отсутствует идеологема, связанная с В. И. Лениным. Она была в черновом варианте. Некоторые описываемые события разворачиваются в Московском Кремле. Туда Кащей Бессмертный «как свой, приходит к Ильичу». (Вместе с ним — Змей Горыныч.) Ведет себя Кащей именно по-свойски, будто у себя дома, и держит речь перед руководством Совнаркома. Он говорит о хитроумных способах истребления «белых», предлагает столкнуть их лоб в лоб с врагами Советской России. На такое предложение Владимир Ильич прищурился и ответил: «Вот это дело!..» В сказке отмечен даже характерный ленинский прищур.

Именно политическая окраска «Царевича» стала предметом дискуссии Гребенщикова с его литературным оппонентом, русским эмигрантом Евгением Александровичем Московым. Эта дискуссия началась после публичного чтения сказки 30 сентября 1933 года, в Нью-Йорке, в Русском клубе (51 E. 121 St.), который располагался рядом с храмом Христа Спасителя. Вечер прошел успешно и дал собравшимся моральное удовлетворение. При этом не все оказалось так гладко. Георгий Гребенщиков сообщает в письме художнику Ульянову:

«После вечера была вечеринка, на которой обсуждали Сказку такие настоящие поэты, как Голохвастов, Нелидова, Иванов, Москов, Ван Розен и др. И многое из этих суждений я должен использовать... По совести говоря, в ней самая слабая часть — это политика, внесенная картинками — Красная гидра и проч., как могу я представить, в общий эпос. Вот в чем моя задача. Надо, чтобы сказка имела длительный, а не временный характер, и чтобы она прошла в публику самую широкую, тогда как пока она только как бы антибольшевистская пропаганда» (02.10.1933).

В течение двух месяцев Москов слал Гребенщикову длинные письма, заполненные размышлениями о сути царизма и концептуальном подходе к изложению сложных жизненных вопросов, которое, по его мнению, автор поэмы превратил в политический памфлет. Антибольшевистские настроения в сказке проступают довольно отчетливо, она направлена против «красных». Святой Георгий поражает Змея, и Осьминог получает отпор. И Гребенщикову, и Ульянову эта воинственность нравилась.

Но вот Евгений Москов оказался другого мнения: «Поэзия и обвинение с доказательствами несовместимы... Очень много морали, не сквозящей, как это обычно в сказках, но нападающей прямо» (08.11.1933). Он — против обвинительного акта русскому народу. За обличением ускользает понимание причин революции и, как следствие, убийства царя. Можно ли найти в поэме ответы, почему восстали рабочие и почему произошли погромы булочных на Выборгской стороне в Петрограде?.. Вряд ли. Революция 1917-го была «хулиганством солдат в шинелях нараспашку», как пишет Москов, и в то же время — великим историческим переломом. Причины скрыты глубоко. Значит, и противопоставлять виновный народ замученному Государю будет неправильно. Народ выше царя и власти. Именно потому Николай Второй и пошел на смерть.

Изначально Гребенщиков упустил важную евангельскую мысль, так доходчиво изложенную у Достоевского в «Легенде о Великом инквизиторе» (в романе «Братья Карамазовы»), и Москов его искренне поправил. Суть размышлений сводится к следующему: Христос служил человеку, а не земным владыкам, всему человечеству, и пошел на крест, чтобы взять на себя все грехи мира. Гребенщиков был вынужден реагировать на критику, хотя его сим-

патии и тогда, и позже оставались на стороне царя. Он даже хотел отказаться от поэмы и спрятать рукопись в дальний угол письменного стола. Но Москов неистово воззвал к таланту писателя: «Ни бросать, ни прятать «Царевича» не следует... Всю политику — вон до конца, митинговое — забыть, мораль — не для поэзии, осуждение — не вяжется с молитвой, ошибки и бессилие — несчастного царя не превратят в никому не видимую гениальность. Несчастный царь несчастливой России, несчастный наследник неудачных путей. Увлечшись гневом (несомненно, с лирикой, и даже с этической), Вы упустили христианскую идею. Даже если Вы называли ее словами, она ушла из поэмы. Христос — Бог и идеал Человека, не осуждал и не проклинал, но отвечал любовью на казнь, на которую Он шел и которую предвидел. И в Вашем приподымании не крупной фигуры царя Вы упустили, или затеряли в прочем, то великое в простом, что было в Николае II. Его царственность и его государственность, в вырождении Дома Романовых... чистая фантазия, далекая от истории трагического периода. Но жертва самодержавного царя... жертва — своей семьей, его покорность, а не уступка обстоятельствам, — над такой жертвой можно задуматься» (27.12.1933).

Ровно пять лет поэма отлеживалась, прежде чем автор принял решение напечатать свой труд. На это решение повлиял близкий друг, изобретатель Сикорский. Одобрив замысел, в 1938-м он настоял на издании книги, даже частично оплатил расходы. Творческий вечер Гребенщикова по случаю выхода «Златоглава» состоялся 17 февраля 1939 года в Нью-Йорке. Заседание вел поэт Георгий Голохвастов, причем ради вечера он пожертвовал участием в ежегодном Пажеском бале, назначенном на то же самое время. Почетным гостем и основным оратором был Игорь Сикорский. Эпическая сказка имела большой успех среди эмигрантов и через несколько месяцев вышла дополнительным изданием. Первую обложку оформлял художник Иван Замотин, вторую — Всеволод Ульянов.

Георгий Гребенщиков отступил от первоначального замысла поквитаться с большевиками, хотя в поэме все-таки сохранилась патина былых чувств. Ее трудно было не заметить. Цензор Публичной библиотеки в Ленинграде, куда книга попала по би-

блиотечной рассылке, дал критическую оценку творчеству писателя-эмигранта. В карточке поступлений записано: «Сплошной контрреволюционный бред под личиной сказания о «граде Златоглаве». — Спецхран, подпись» (16.08.1940). На протяжении долгого времени в душе писателя шла сложная, противоречивая борьба. Чаша весов клонилась то к монархии, то к народу.

Ярым поборником царской власти Гребенщиков стал с конца 1920-х, когда начал погружаться в православие. (В русской деревне Чураевке собственными руками построил из дикого камня часовню во имя преподобного Сергия Радонежского.) Он устраивал молебны и лекции для эмигрантов в православных приходах по всей Америке, издавал книги священников. Общественная деятельность на религиозном поприще подталкивала его принять главенствующую в церкви монархическую доктрину. Свое жизненное кредо писатель точно сформулировал в письме к Ивану Якушеву, идеологу сибирского зарубежья: «Назад, назад под благоверных Царей!» (14.01.1932). Дальнейшие события — болезнь и создание «Златоглава» — влияют на умонастроения Гребенщикова, изменив и его взгляды на царя. Из Государя и помазанника царь становится выразителем народной воли, вождем народа, единственной надеждой на будущее. В финале поэтической сказки звучат совершенно не сказочные слова о всечеловеческом Братстве.

Во время Второй мировой войны и сразу после ее завершения Гребенщиков неоднократно встречается в Америке с советскими офицерами и уже видит в них не представителей власти, а выразителей всего наилучшего, героического, что есть в обычных людях. Он пишет несколько очерков об этих встречах. А в декабре 1951-го обращается с Рождественским приветствием к русскому народу по «Голосу Америки». Писатель все больше и больше отождествляет себя с отечеством, именно с простым народом, являющимся неиссякаемым источником духовной жизни.

Спустя несколько лет вопрос об отречении Государя и последовавшем за ним убийстве царской семьи перерос для Гребенщикова в личную драму. Работая над очередным томом эпопеи «Чураевы», по счету уже восьмым, названным «Пляска во Пламени», он возвратился к трагическим событиям революции. Обойти их в романе было просто невозможно, к писателю пришло

ощущение морального соучастия в произошедшем. Утонченная натура художника, погружаясь в прошлое, переживала невероятные страдания. Том был готов в гранках, но приходилось снова переделывать те или иные части. Автор собирался дать оценку «сатанинскому злодеянию» большевиков. В письме к Игорю Сикорскому он искренне делился своими чувствами: «Для меня вся эта история настолько тяжела, что я все еще не могу спать и все время сомневаюсь, что я смогу поднять ее как полный сюжет... Я глубоко страдаю от одного прикосновения мыслью к этой Чаше, которую испили Государь и Государыня и их невинные дети» (16.12.1953).

Таких писем было немало. Гребенщиков приостановил работу над романом, цеплялся за всякие мелочи, лишь бы не касаться «жуткой» реальности, которую он сам создавал на бумаге. Примерно тогда же, в конце 1953 года, друзья начали обсуждение мемуарной книги «Исповедь бывшего царя» (1918), казавшейся им подделкой. Стилль Николая Романова выглядел весьма сомнительным. Сикорский провел разбор мемуаров на 25 страницах письма (автограф) и пришел к выводу, что цель книги «дискредитировать царское правительство... самого Государя и полностью оправдать революцию» (26.11.1953).

Прошло еще несколько лет, прежде чем Георгий Гребенщиков вернулся к неоконченной эпопее. Восьмой том грозил задержаться «до бесконечности», по его выражению. Дело в том, что ответственность за убийство царя он возлагал на себя лично, а не только на весь русский народ, и сильно скорбел о «нашем всеобщем падении в пропасть». Продолжая многолетний диалог, весной 1957-го Гребенщиков снова писал Сикорскому: «При разработке этой темы для эпопеи нервы мои так напрягаются, что я боюсь за свои психические возможности достойно закончить свою работу» (09.03.1957). Эти слова оказались провидческими. Буквально через несколько недель его разбил паралич. История русского царя осталась ненаписанной. И девятый, и десятый тома начаты, но не завершены. Финал эпопеи, выраженный в названии последнего, 12-го, тома «Построение Храма», писатель оставил как завещание потомкам. И кто знает, быть может, строить Храм будет тот самый волшебный Царевич, который по завету Белого царя однажды явится своему народу...